

...— Стул? Какой стул? Да вы что?! Ни одного лишнего не осталось! Вы только посмотрите в зал — там яблоку упасть негде! — ответила на мою просьбу удивленная администратор Дома кинематографистов СССР, куда я пришел на концерт известного исполнителя русских песен из Австрии Бориса Рубашкина.

Зал действительно был переполнен. Люди сидели на ступеньках в проходах между рядами, стояли вдоль стен, а некоторые устроились прямо на полу.

В ожидании начала концерта зал гудел. Все хотели своими глазами увидеть человека, с которым они давно были знакомы заочно, по записанным «оттуда» плохим по качеству кассетным записям. И мало кто предполагал, что Б. Рубашкин — самобытный исполнитель русских народных песен, прекрасный оперный певец. У нас его знали в основном по так называемым блатным, или «одесским», песням. И тем большей неожиданностью для зрителей стала их прямая встреча с певцом.

«Стенька Разин», «Однозвучно гремит колокольчик», «Дороги», «Песенка фронтального шофера»... Каждое исполнение встречалось овациями, возгласами «Браво!». И чем дальше он пел, тем больше менялось наше представление о Борисе Рубашкине, тем быстрее, буквально на глазах, распадался его старый образ. Да, в его программе были и «Чубчик»,

◆ Встречи по вашей просьбе

Звучат народные песни

и даже «Мурка». Но благодаря своему мастерству, неподдельной искренности и артистизму, чувству художественной меры и такту певец превратил их в шуточные, бытовые песни.

Когда концерт закончился, а в воздухе еще витали только что отзвучавшие мелодии, я, как мы условились заранее, нырнул за кулисы.

— Проходите, усаживайтесь поудобнее, — сказал Борис Семенович, пожимая мою руку. В ярком свете он показался мне усталым, хотя улыбка не сходила с его уст. — Ну что ж, коротко расскажу о себе. Отец мой — из донских казаков. Родину покинул в 1919 году. Жизнь забросила его в Болгарию, где он и женился на болгарке. Моя настоящая фамилия — Черноубашкин. Дело в том, что многих моих предков выбирали когда-то атаманами. Чтобы как-то отличаться от остальных казаков,

они носили черные рубашки. Отсюда и фамилия. Кто знает, как бы сложилась жизнь отца, останься он в России. Меня долгое время называли сыном белоэмигранта. Но отец мой не был никогда белым. Ему в ту пору исполнилось 17 лет, и жизнь только начиналась... Вдали от Родины делал все, чтобы сохранить в семье русское: готовили русские блюда, говорили по-русски, общались с русскими. И, конечно, пели с отцом песни: русские народные, донские казачьи, цыганские. Так что любовь к песне у меня от отца.

— И поэтому вы решили посвятить себя русской песне?

— Нет. Эта потребность пришла не сразу. Сначала я окончил экономический факультет Пражского университета. Затем устроился танцором в Венскую народную оперу и протанцевал полтора года. А певцом стал

при довольно забавных обстоятельствах. После очередного выступления в Венской народной опере стою под душем и что-то напеваю. А один коллега и говорит мне: «У тебя же неплохой голос». Я ему отвечаю: «Обычный голос. В Болгарии все так поют». На другой день он отвел меня в русский ресторан «Жар-птица», где я спел одну-единственную песню... Так я поступил работать в этот ресторан. Отсюда и началась моя певческая карьера. А однажды в «Жар-птицу» пришла профессор Венской консерватории Мария Бранд. Ее заинтересовал мой голос. Я стал заниматься у нее вокалом и вскоре уже исполнял немало оперных партий. Это были Евгений Онегин в опере Чайковского, Альмавива в «Тоске» и другие. И только тогда я почувствовал потребность целиком посвятить себя русской песне.

— Русские песни всегда были популярны на Западе. А сейчас интерес к ним, да и к Советскому Союзу в целом, еще более возрос. Но понимают ли их на Западе?

— На своих выступлениях я, как правило, рассказываю зрителям, о чем в песне идет речь. Этот элемент просто необходим. Мне уже приходилось не раз сетовать на то, что здесь, в Советском Союзе, к сожалению, долгие годы бытовало мнение (да оно и сейчас еще не изжито), что русские песни на Западе поются только в кабаках, где прожигают жизнь бывшие белогвардейские офицеры. Я сам видел это в старых советских фильмах. Там смешно пляшут цыгане, а оркестр играет «Дубинушку». Это, конечно, выглядит нелепо. В действительности русские песни на Западе поют профессиональные артисты в самых дорогих ресторанах. Они становятся не местом, куда человек приходит просто поужинать, а

своеобразным клубом русской песни. Я немало поездил по свету и могу с уверенностью сказать, что русские песни очень популярны повсюду.

— В вашем репертуаре есть и «одесские» песни...

— Да. Всего около сорока. Когда-то давно я записал их на пластинку. Но они — не главное в моем творчестве. Я — пропагандист классического русского фольклора.

— А не пробовали сами писать песни?

— Наверное, каждый исполнитель пытается однажды написать что-то сам. И если у него получилось, он пробует еще и еще раз. Ну, а если нет — как правило, прекращает свои попытки. То же самое случилось и со мной. Попробовал раз, два, десять. Чувствую, что-то не то. Я все-таки считаю себя исполнителем русской песни.

— Это ваши первые гастроли в Советском Союзе. Как они прошли?

— Прекрасно. Каждый день — насыщенная программа. В Москве и в Ленинграде, в Кишиневе и в Одессе публика принимала очень тепло. Я чувствовал, что мое исполнение трогает сердца людей. Мне как артисту это было приятно и дорого, потому что к этим концертам я шел долгих двадцать лет.

— Одно из ваших выступлений было благотворительным. Сбор от него перечислен в фонд помощи пострадавшим от землетрясения в Армении...

— Не вижу в этом ничего исключительного. Для меня

было большой честью как-то помочь пострадавшим.

— Я слышал, что в Советском Союзе вы нашли родственника. Это правда?

— Да, я нашел здесь троюродного брата. Точнее, это он нашел меня по сообщениям прессы. Я знал, что у меня родственники где-то под Волгоградом, в бывшей Донской области, на хуторе Заполянке. Но никак не ожидал найти родственников в Сибири. Кстати, я уже изложил Госконцерту желание в свой следующий приезд в Советский Союз выступить перед сибиряками.

— А когда вы намерены приехать к нам еще?

— Думаю, что смогу это сделать нынешней осенью. Летом на фирме «Мелодия» должна выйти моя первая пластинка. Вот я и хочу осенью договориться о новой работе.

— Что бы вы хотели сказать читателям «Сельской жизни»?

— Я с большим уважением отношусь к ним. Когда я жил в Болгарии и общался с эмигрантскими семьями, то много слышал о тех перегибах в период коллективизации, о которых вы только начали узнавать из газет. Хорошо, что перестройка открыла и эту страницу советской истории...

Время нашего интервью подошло к концу. В тот день у Бориса Семеновича было запланировано еще одно выступление...

Беседу вел
Ан. БАЛЕБАНОВ.
Фото С. Берменева.